

Ольга Онищенко
*Жизнь прожить — не поле
перейти...*

Ольга Онищенко
Жизнь прожить –
не поле перейти...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37665684
ISBN 9785449342560*

Аннотация

История нескольких поколений одной семьи, которая тесно переплетается с историей страны. Книга о любви, добре, предательстве, раскаянии. О том, что любые сложные обстоятельства в жизни, если в сердце живет любовь, делают нас только лучше.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Жизнь прожить – не поле перейти...

Ольга Онищенко

*«Но продуман распорядок действий
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти».*

Борис Пастернак

© Ольга Онищенко, 2018

ISBN 978-5-4493-4256-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Глава 1

Она лежала в старой своей немощи одна в квартире, в которой когда-то была жизнь, детские крики, звуки открывающегося шампанского, запах пирожков с яблоками и многое другое. Сейчас ей оставались только воспоминания...

1934 год, Москва.

– Манюня, Манечка – мама тихо шептала на ушко, нюхала Манюнины волосы, раскиданные по подушке, по лицу и продолжала будить маленькую любимую девочку, – Манюня, вставай моя девочка, вставай моя самая лучшая малышка на свете. Я напекла твои любимые оладушки. Она гладила Манюню по голове, пытаясь расправить волосы, убрать с милого личика.

Манюня стояла на кухне, на табуретке возле раковины, чистила зубы порошком. На кухне уже кипела жизнь. Тётя Соня, соседка, дымила как паровоз своей папиросой. Сколько Маня себя помнила, тётя Соня всегда была с папиросой, девочка иногда мечтала ночью заглянуть в комнату к соседке и посмотреть, спит она тоже с папиросой? А может, козья ножка приклеена к уголку её губ? Маня её немного побаивалась, потому что от этой тёти всегда пахло табаком, и она

всегда кричала. Мама успокаивала ее и объясняла, что у Сони такой голос, она не кричит, просто громко разговаривает. Тётя Соня была очень высокой, худой, с седой финтифлюшкой на затылке, которая её рост ещё удлиняла. Всегда расчесана «позавчера». Поэтому её лохматость вызывала в Манюне ещё большую настороженность. Ходила она во фланелевом халате, зимой и летом. Он уже весь потерялся, и какого был цвета в начале своей жизни, никто не помнил. Поверх был неизменно грязный фартук в мелкий синий цветочек. У неё был муж. Ростом ей по плечо, круглый, розовощекий, с лысиной, в очках, очень тихий. Наверное, другой не смог бы ужиться с такой женой. Все соседи только и слышали от него несколько фраз: «Хорошо, Сонюшка! Как ты скажешь, Сонюшка! Сонюшка, не надо так нервничать! Сонюшка, береги себя!» Всё. Хоть Манюня была ещё пятилетней девочкой, она все время размышляла, а есть ли у дяди Фимы, мужа тёти Сони, другие слова в голове. А если нет, то, как он думает? А как, например, в магазине разговаривает, когда покупает кефир? А может быть он подходит к витрине и показывает пальцем на кефир и продавец его понимает. О чем только в маленькой головке не крутились мысли.

В комнате справа жила коммунистка, Её звали Оюшминальда Семеновна, когда Манюня подросла, она узнала, что это странное имя значит «Отто Юльевич Шмидт на льдине». Конечно, её так в квартире никто не называл. В лицо обращались к ней Семеновна, за глаза называли Шминой. Сама

носительница редкого имени, когда представлялась кому-то, первая протягивала руку и быстро произносила: «Будем знакомы, Оюшминальда Семеновна Частова-Буть». После чего, собеседник впадал в ступор и забывал, зачем пришёл. Зато Шмина, пользовалась таким моментом и выкладывала свою позицию. Резко, негромко, но очень жёстко и требовательно. Она была за порядок, победу социализма и за мир во всем мире. Жила она одна. Быт был очень неприхотлив. Хозяйством занималась редко, по необходимости. Для Манюни она была как мебель. Есть и всё. Либо вообще нет. Да, Шмина, ходила в чёрном кожаном потертom пальто. Немного большим в плечах и это было все её богатство. В следующей комнате, ближе к кухне жила учительница литературы и её сестра. Они были близняшки Вера и Надя, и невероятно похожи друг на друга. Когда они заселились в свою комнату, их все путали. Но вскоре заметили, что учительница всегда была с дулей на голове. Аккуратно причесана, немного мечтательна на вид. Сестра её, заплетала косу, вела хозяйство, ходила по магазинам и на рынок. Стирала себе и сестре, готовила обеды, иногда подрабатывала тем, что присматривала за чужими детьми. Была болтлива, хотя себя считала просто общительной, всегда приносила свежие сплетни в квартиру. Вера её всегда воспитывала. Приходила из школы со стопками тетрадей и проверяла их до ночи. Ещё дальше комната дяди Пети. Вот к кому Манюня любила заходить в гости. Он рассказывал ей сказки, всегда чем-то уго-

шал, играл с ней в любые игры. У него были руки очень шершавые. Указательный палец на левой руке был согнут всегда. А безымянный был вообще половинка. Говорил «бурная молодость». Последнее время работал на металлургическом заводе «Серп и молот». Он жил один. Жена и дочка погибли. Он не говорил об этом никогда. Просто все знали и все. Он был большой и в высоту, и в обхват. Такой большой медведь, русский богатырь, работающий у мартена, с душой ребёнка. Все старались жить дружно. Не без ссор, конечно. Они уже были как родные люди, потому что когда живёшь долго под одной крышей, становишься роднее с чужими. А если с родными перестаёшь общаться или делаешь это все реже и реже... становишься чужим с родными.

...Манюня доедала второй оладушек, посыпанный сахарком, запивая чаем, в своей комнате. Бабуля собиралась в магазин. Мама ушла на работу. Манюня с бабулей сегодня хозяйки, они идут за продуктами. Обычно Маня ходила в детский сад, но сегодня почему-то садик закрыли. Бабушка развернула носовой платочек, положила в него продуктовые карточки, завернула и завязала на два узла.

Бабуля помогла одеться Мане и, чтобы девочка не перегрелась отправила на улицу. В воздухе пахло надвигающимся морозом, начало ноября, уже очень холодно в Москве. Во дворе стало как-то необычно светло, но тучи и облака не пропускали на землю ни лучика солнца. «Это стало свет-

ло, потому что ночью кто-то оборвал все листики с деревьев», – подумала Манюня. И этот кто-то был ночной морозец. Откуда, ещё такой маленькой девочке, было об этом знать? Маня медленно пошла по наметенным ветром кучам листьев, подбрасывая ногой как футбольный мяч. Ей нравился звук шуршащей, засохшей листвы и запах. Она шла, шла, не замечая вокруг никого, глядя себе под ноги. Пока не воткнулась в кого-то. Маня подняла голову. Перед ней стоял мальчик, лет восьми. Одет был очень легко, чумазое лицо, рыжие кудри из под кепки. Он стоял, улыбался, впереди не было зуба, руки в карманах. «Пальтишко на рыбьем меху» почему-то подумала Манюня словами бабушки. Они стояли и смотрели друг на друга.

– Мальчик, как тебя зовут?

– А чё? – ухмыльнулся незнакомец.

– Да я просто... просто тебя раньше никогда не видела. Я Манюня. Ой. Маша. Но меня никто так не называет. Все зовут Манюня. Или Маня.

– Я Васёк. Но меня тоже никто так не называет...

– А как называют?

– Рыжим.

– А как тебя дома называют?

Он помолчал немного и тихо ответил:

– Да никак... Теперь.

– Почему? – удивилась Манюня так искренне, у неё округлились глаза как две зелёные горошины. И это удивление бы-

ло настолько искренним, непосредственно и чистым, что Васёк сказал то, что предпочитал никому не говорить.

– Нет у меня дома.

– Как нет? А где же ты живёшь?

– Ну где придётся. Летом могу на улице. А зимой, где тепло.

– А где зимой тепло? – растерянно спросила девочка?

– Ну, например, в вашем доме.

– В нашем доме? А в какой квартире?

Мальчик замялся.

– Ну... Это... В общем...

Манюня подошла, взяла мальчика за чумазую руку и заглянула ему в лицо.

– Вась? Вася... это тайна? Да? Я никому не скажу, честное слово!

От того, что так давно его никто не называл по имени, Вася почувствовал, что позорная слеза скатится на глазах этой малявки.

– Да, это тайна, потому что поймают и отдадут опять в трудовой дом, а я не хочу. Я сам себе хозяин. Хочу, гуляю. Хочу, сплю. На чердаке вашего дома тепло. Живу я там, правда, недавно.

– А где твои родители?

– Нету! – резко и громко ответил мальчик. Манюня аж отскочила от него...

– Манюня, детка, пойдём, – позвала с крыльца подъезда

бабушка.

Маня задержалась на мгновение, посмотрела на Васю. Он стоял немного отстраненно, поставив одну ногу на пятку, на лице была ухмылка, руки в карманах. Периодически он швыркал носом. Манюня повернулась и побежала к бабушке, взяв её за руку, она защебетала, рассказывая ей что-то, иногда поворачивалась и смотрела назад. Вася взглядом провожал девочку с бабушкой, пока они не скрылись за углом дома.

Всю дорогу, пока Манюня шла с бабулей в магазин, думала о мальчике. Запал он в душу. Что-то в нем её тронуло. Внучка с бабушкой шли по Ленинградскому шоссе, мимо кондитерской фабрики «Большевик», когда Манюня увидела на проезжей части котёнка. Он сидел, нахохлившись посреди дороги, мимо пролетали автомобили, а он мяукал каждый раз, когда ему становилось страшно. «Мяу, мяу!» – жалобно, еле слышно пищал котенок, а Манюне показалось, что он кричит «Маня, Маня!» и девочка бросилась со всех ног спасать котёнка. Визг тормозов, крики людей и душераздирающий крик бабушки:

– Маняяя!

Только через мгновение Манюне стало страшно. Она держала, прижав к себе, испуганного котёнка. Вокруг была толпа людей. Бабушка стояла, руками обхватив голову с застывшим ужасом на лице.

– Чей ребёнок? – как эхо стало раздаваться в разных

местах проезжей части и тротуара. Машины стояли. Люди окружили девочку, водитель автомобиля, который затормозил, в пяти сантиметрах от Мани, медленно вышел и, подойдя к ней, присел на корточки и начал щупать ручки и ножки маленькой испуганной девчонки. Вдруг Манюне стало страшно, заплакав начала пробираться сквозь толпу к бабушке, которая сидела на тротуаре, поджав под себя ноги.

– Женщине плохо, – кто-то крикнул из толпы, – надо вызывать неотложку!

– Бабулечка, бабулька, баааабаааа, – плакала девочка и гладила бабушку по голове по щекам одной рукой, другой держала насмерть перепуганного котёнка.

– Карточки, – тихо прохрипела бабушка, – карточки украли... И заплакала так горько, что вокруг наступила минутная тишина...

Все собрались на большой кухне в коммуналке и бурно обсуждали случившееся. Вернее бурно обсуждала тётя Соня, остальные молча. Вера резала капусту, стуча ножом по столу. Надя пила кипяток и грела руки о стакан.

Только бабуля слегла в комнате, а мама, раскачиваясь из стороны в сторону, сидела у неё на кровати, гладила бабулину руку и смотрела куда-то в одну точку за окном.

Все понимали, что без карточек прожить будет сложно. Почти невозможно. К тому же месяц только начался. Впере-

ди шёл праздник 7 ноября, но никто об этом даже не думал.

Манюня понимала, что произошло что-то очень неприятное, ей было не по себе. Не спуская котёнка с рук, она то и дело курсировала между своей комнатой и кухней.

– Фима, ну шо ты сидишь как Дунька на самоваре, я таки тебя прошу, ну придумай шо-нибудь, или ты хочешь чтобы трое в нашей фатере сделали тебе «всё»? Фима сидел, нахохлившись, красный и усиленно думал. Казалось, что-то придумал, но побаивался произнести вслух. Дядя Петя и Шмина сидели возле окна и курили молча в форточку. Манюня зашла очередной раз на кухню.

– Девочка, я таки тебя умоляю, нам только этого Кабыздоха не фатало, оттащи детка его на помойку, он и так ойц наделал, – дымом папиросы окатила с ног до головы девочку, и обращаясь ко всем, – люди, итак, об чем мы видим, – грохоча деревянной палкой по тазу, в котором вываривала белье.

– Вот капустку посолю, отдам половину несчастным, может щей наварят. И то еда, – резала и приговаривала Вера.

– Маня, скажи матери, картошки привезу на той неделе. Друг у меня в деревне. Он звал меня в гости за картохой-то. Да не до этого было. А раз дело такое... Манечка иди, скажи матери, – сказал дядя Петя.

– Сонечка, дорогая, только ты не волнуйся, я вот тут подумал и...

– Фима, только не сиди с лимонной мордой и не тяни ко-

та за...

– Сонечка, нам же передали из дома бичков сушеных...

– И шо ты этим таки хочешь сказать!? – продолжала громко говорить Соня.

– Думаю, Сонечка, шо если поделим половину и отдадим несчастным? Понимаешь, Сонечка...

– Нет, вы посмотрите на этого патриёта за мой счёт!

– Сонечка, понимаешь...

– Ой, только не надо меня уговаривать, я и сама соглашусь, Фима, мешай белье, я схожу сейчас в подвальчик...

Вдруг в дверь позвонили. Тётя Соня как раз собралась выходить. Открыв дверь, она замерла.

...В кухню вместе с Соней зашёл Васек.

– Не кидайте брови на лоб, молодой человек ищет Манюню.

– Маня, детка, выходи из светелки.

Манюня с котенком выглянула в щелочку приоткрытой двери...

– Вася? Ты как меня нашёл? Почему у тебя синяк под глазом?

– Подумаешь, велика проблема... Нашёл. Я тут это...

– Ты откуда, такой чумазый, где живёшь? Чего пришёл сюда? – голосом командира оживилась Шмина, вспомнила свои коммунистические принципы и почувствовала себя представителем органов власти.

– Успокойся, Семеновна, – дядя Петя, – подошёл к маль-

чику, который немного испугался натиска Шмины, но стоял гордо, как молодой петушок.

– Ну, чего тебе наша Манюня понадобилась? Смотрю, ты хлопец неплохой, не бойся, говори.

– А я и не боюсь. Маня, у вас карточки пропали?

Манюня опустила голову и прошептала:

– Да, Вась, пропали, бабуля даже заболела.

– Нет, как вам это нравится? Уже даже гаврики с улицы знают наши новости, я таки в шоке! – тётя Соня помешивала белье. Шмина резко схватила Ваську за ухо:

– А, это не ты, подлец беспризорный, обчистил старуху?

Васька застонал, схватил ее за руку и, извернувшись, укусил.

– Ах, ты... – Шмина замахнулась на Васька. Петя схватил мальчишку в охапку, и быстро отвернувшись от разъяренной соседки, всем своим телом укрыл испуганного пацаненка, а Шмина разозлившись, колошматила Петю по спине. Тётя Соня, взяв палку, подошла к соседке и как гаркнет:

– Хватит, Шмина, мне тут тошнить на нервы, а то я таки успокою тебя, и покачивая палкой, начала приближаться к ней. Шмина терпеть не могла, когда её так называли, и начала наступать, закатывая рукава гимнастерки, на Соню:

– А, ты жидовская морда, вообще заткнись, а то место твоё знаешь где? Там и окажешься, рассказать куда поедешь?

– Шо ты хочешь от моей жизни? Уже сиди и не спрашивай вопросы! Щаз я сделаю тебе скандал, Шмина Шминовна, –

раскошегаривалась Соня.

– Сонечка, я тебя прошу...

– Фима, не делай мне нервы!

– А, ну, прекратить! – раздался грохот пустого таза об пол и крик Нади. Все остолбенели. И замолчали. Васек нарушил паузу первым:

– Не ссорьтесь, я это... карточки ваши принёс...

– Аааа, подлец малолетний, все-таки ты спёр карточки, – зашипела Шмина, – Да я тебя...

– Молчать, – дядя Петя гаркнул, – говори пацан.

Васек немного взволнованно продолжал.

– Маня, когда вы с бабушкой пошли, в магазин, я за вами пошёл. А че, мне все равно куда идти? – он немного растерянно оглядывал людей, которые столпились вокруг него и с разными лицами стояли и слушали.

– Ну, так вот... это... ну...

– Нет, вы на него посмотрите, нашёл свободные уши, молодой человек, хватит размазывать кашу, – пыхтя как паровоз, нетерпеливо ворчала Соня.

– А ну, ша, Соня! – не выдержал Фима, – говори пацанчик. Соня от изумления чуть не проглотила папиросу, так и застыла с выпученными рыбьими глазами на Фиму.

– Ну, я и говорю. Видел я, кто карточки спёр. Ну..., – он полез в карман пальтишка, и достал мятые, в грязи, немного порванные карточки и платочек бабушки, – вот, Маня, отдай бабуле...

И покраснел. Все молчали, вдруг раздался всхлип тёти Сони... Слёзы покатались по щекам, она размазывала их уголком своего фартука.

– Сонечка..., – проямлил Фима, – не плачь родная, все же хорошо оказалось, и бички при нас останутся.

– Фима, ты адиёт, – проямлил Соня, и её плач перешёл в смех. Смеялась она так заразительно, посипывая, покивая, что напряжение последних минут дало о себе знать. За ней начал смеяться Фима, затем сестры близняшки, ухал громким смехом Петя, хихикала Манюня, бережно держа карточки, и посмеивался Васек. Не смешно было только Шмине. Она стояла, прищутив глаза, как и смотрела на всю весёлую компанию. На шум вышла мама Мани. Манюня подбежала к ней, протянула ей карточки и, смеясь, говорит.

– Это все Вася, Вася, мама, он их принёс, ой, Вася, – уже обращаясь к мальчику, – это поэтому у тебя синяк под глазом?

Вася громко швыркнул, кивнув головой, и слезы брызнули у него из глаз, но ему очень не хотелось показывать их перед всеми, и ещё смех не прошёл, так и стоял, смеялся и плакал одновременно. Петя загреб его огромными своими ручищами к себе, обнял, начал гладить, по головке, и Вася казался в его объятиях таким маленьким муравейчиком, и смех его стал постепенно переходить в слабое всхлипывание, уткнувшись где-то на уровне груди богатыря – металлурга. Постепенно все стали затихать и только Васькино

всхлипывание доносилось до всех.

– Досталось тебе видать, малец, – поглаживая Васька, приговаривал Петя.

– Ну, думаю, цирк этот закончен, давай-ка сдам этого малолетнего преступника куда следует, нечего шарашиться по чердакам и воровать у честных людей карточки, -разре-зала воздух Шмина.

Васек вжался в Петра. Шмина подошла и хотела взять мальчика за руку, когда её отодвинул мощной своей рукой Пётр, – А ну, погодь Семеновна. Оторвал от себя мальчика, приподнял над полом и тихим ласковым голосом спросил Васька:

– Сынок... Василий, ты будешь жить с папкой, со мной?

Вася висел в воздухе, глаза его округлились, на заплаканном личике проскочило удивление, потом радость. Он бросился к Петру, обнял его крепко-крепко за шею и прошептал:

– Папкаааа! Папка!

– Тронул, гаврик, таки за самое больное, а ты Шмина сливай воду и сиди, катайся, сосед у нас новый, ясно тебе?, – Соня демонстративно закурила, пыхнула как паровоз и пошла месить белье в тазу, напевая... « в семь сорок он подъедет, в семь-сорок он подъедет...»

Глава 2

Мария Ивановна, а попросту Мариванна, привсталала с кровати, посмотрела в голубое небо. Утро. Раннее осеннее утро. Она медленно надела тапочки и пошаркала на кухню. Запах кофе или чая в прошлом. Это удовольствие уже не для нее. Геркулес, вода, небольшое печеное яблочко.... Накрыла на стол. Села. Есть не хочется, а надо.... Бывали времена, когда хотелось съесть все что угодно.... Лишь бы съесть.

1941 год, Москва, конец октября.

В их квартире стало заметно тише. Тетя Соня и дядя Фима уехали еще в июне в Одессу. У тети Сони старшая сестра заболела, надо было ухаживать. Они собирались вернуться сразу, как только тете Мине стане легче. Началась война, и от них не было ни слуху, ни духу.

Шмина ушла на фронт. Сразу же, в первые дни войны. Никому писем не присылала. Да, никто и не ждал. Сестры-близняшки, Вера с Надей уехали в эвакуацию, тоже сразу же, одними из первых. Остался дядя Петя, его сын Васек, Маня, ее бабушка и мама. Дядя Петя очень хотел пойти на фронт, но был каким-то ценным сотрудником на заводе, теперь там выпускали оружие для фронта, но у него была бронь и ее никак не снимали. Мама Манюни работала на фабрике «Большевик». Цехов там стало поменьше, мно-

гие ушли на фронт. Но галеты и сухари продолжали производить. Бабуля работала в поликлинике. Днём мыла полы, ночью сторожила. Домой приходила редко, приносила сухари, часть карточек, иногда что-то из того, чем редко угощали пациенты врачей. Врачи с бабулей делились. По тем временам бабушка очень хорошо устроилась, потому что нигде отопление не работало, и часто не было света, а в поликлинике всегда было тепло и светло. Ну, за исключением бомбежек. Тогда свет всем вырубали. Ещё в поликлинике был подвальчик, там бабушка пряталась как в бомбоубежище. Когда у неё был выходной, она приходила домой. Маня частенько бегала к бабушке погреться и отоспаться в кладовочке.

Васек уже был прямо-таки взрослый парень. Стоял у станка наравне со всеми. Мечтал о фронте. Боялся, что война закончится, а он не убьет ни одного фрица. Мане было уже двенадцать. Школа не работала, а Мане не сиделось на месте. Днём он была на работе, шила рукавицы, открыли такой цех у мамы на фабрике. Ночью, после работы, с Васьком дежурила на крыше, когда хватало сил не заснуть. Но чувство долга и ответственности у них хватило бы на нескольких человек, поэтому приходилось тяжело.

В квартире пустовало три комнаты, было холодно, и очень голодно. По карточкам без проблем можно было купить только хлеб. Но он такой тяжёлый был, что его было мало даже на рабочие карточки. Остальные продукты надо было раздобыть, хоть и по карточкам. Сначала найти, где про-

дают, потом отстоять очередь, и если успеешь до работы – купить, а нет, уходил с пустыми сумками. А если бомбежка, то вообще неписаное правило было: убежал в бомбоубежище, очередь потерял, занимайте заново. А на рынке продукты стояли несметных денег. Керосин выдавали, но его хватало меньше чем на полмесяца.

В тот день Маня шла уставшая с работы. Не то чтоб работа была трудная, но шить... Это было не её. Нудно, болели пальцы, наколотые иголками, и очень хотелось есть. Всё время хотелось есть. Она и пошла работать, потому что ей давали рабочую карточку. Жили впроголодь. На улице уже было холодно, в воздухе летали черные кусочки пепла. Это уже несколько дней сжигали в Москве документы. На улицах стояли противотанковые ежи. Все изменилось. Как – же все изменилось...

Маня вошла в квартиру, в тёмном коридоре ничего не было видно, не было света теперь часто, «хоть глаз выколи», как говорит бабуля. Маня сильно устала, а у них с Васьком были планы сходить на площадь Свердлова. Там поставили подбитый фашистский самолет, и люди толпой ходили на него поглазеть. А они с Васьком уже несколько раз собирались, и никак не получалось. То Васек на работе задержится, то Маня проспит. А ночью у них дежурство на крыше. Поэтому первое и лучшее было прыгнуть в кровать, укрыться всем, что есть в доме, взять сухарик и вместе с ним заснуть. Вот это было блаженство. Ещё бы было тепло. Но, Маня уже

привыкла и так. Дома никого не было, она сделала так, как мечтала... И только глаза затяжелели, как во входную дверь громко постучали. Кто это? У наших у всех ключи. У Мани немного забилося сердце в горле. «Странно, чего я испугалась, наверное, потому что со сна». Стук в дверь повторился. И путаясь в одеяле, чуть не упала, Маня побежала к двери.

– Кто там? – спросила она.

– Маня, открывай!

Голос за дверью был незнакомый, но откуда он знал её имя? Значит, и я его знаю?

Открыв дверь, Маня увидела улыбающегося офицера.

– Ну, привет Манечка, угадал? Ты ж Маня? Дочка Ирины. Соседка дяди Пети?

– Да-а, – медленно и тугодумно сказала Маня, – а откуда вы меня знаете?

– Оооо, Манечка, я многое знаю. Друг я. Дяди Пети. Петра так сказать Петровича. Не помнишь? Ну, маленькая ты была. Это понятно. Может,пустишь?

Он шагнул в коридор, поставил чемоданчик, снял фуражку и, разглядывая тёмный коридор, изучал местность, приглаживая свой чуб на лоб.

– Чего на пороге-то стоять. Пётр на работе, я знаю. Мы с ним это дело обсудили, поживу пока в его комнате. С его, так сказать величайшего разрешеньца, – усмехнулся в усы, расправил в разные стороны и протянул руку, – Григорий Иванович. Можно дядя Гриша.

– Мааня, – протяжно пролепетала Маня. И тоже протянула руку.

– Ну, что, Маня, шоколад любишь?

– Шоколаааад?

– Да, да Маня, шоколад. Че спала, что ли? На вот, угощайся... – и протянул ей большую плитку настоящего шоколада.

Маня прижала плитку к носу и затаилась внутрь себя шоколадный аромат. У неё закружилась голова с непривычки. Прислонилась к стене и застыла в этом удовольствии, вспомнилось, как на новый год мама всегда приносила шоколад. Им на фабрике делали такой подарок.

Дядя Гриша, не стесняясь, шёл хозяйской походкой по коридору, пытаясь зайти хоть в какую-то дверь.

– Ой, Мань, чего – то запаматовал. Петро, где живёт – то, что-то не помню комнату?

– А вы её прошли.

– А че, закрыто – то?

– А ключи есть у меня, от всех комнат, мы закрываем, знаете, вору... Да и теплее так. Меньше сквозит..

Маня отломил кусочек шоколада, засунула за щеку, и пришепетывая объясняла новому жильцу про тепло, про свет, про жизнь в их квартире...

Уже спустя полчаса Григорий Иванович копошился в комнате, что-то «грюкало, стучало» как говорила бабуля и резко затих. Маня подумала, что заснул. Ей уже не спалось, она послонялась по квартире. Сварила картошку в мунди-

ре, поела. Пошла на кухню мыть посуду, увидела, что дверь в комнату к дяде Пете приоткрыта, и по привычке заглянула. В комнате никого не было. «Странно», – подумала девочка, – А где жилец новый?». Кровать была застелена очень аккуратно. Как всегда. Получается, никто на ней не спал. Маня простояла посреди комнаты, ничего не понимая, холодок страха пробежал по ногам и рукам. Она боялась шевелиться. Ей казалось, что кто-то за ней наблюдает, а заглянуть под кровать или в шкаф ей было боязно. Вещей жильца не было. Исчез и его чемоданчик. Как и его хозяин. Как будто никого и не было. Может ей приснилось все? Но, шоколад...? Он же был. Она его нюхала, и даже ела. Не приснилось же это. Во всей квартире стояла мертвая тишина, и темнота. Только свет луны пробивался сквозь заклеенные окна.

Через несколько мгновений, Маня услышала звук открывающегося замка во входной двери. Ей стало совсем страшно, и она решила спрятаться в углу за комодом. Шаги в коридоре, громче, ещё громче, вот шаги приближаются к комнате, где сидела в углу перепуганная девочка. Она пыталась сообразить, что сказать, если дядя Гриша вернулся. Что она делает в этой комнате? В голову ничего не лезло. Ни одной мысли. Дверь заскрипела, и тихо вошёл кто-то. В темноте не было видно.

– Кто здесь?

– Фух, Васек, ты меня напугал.

Маня вылезла из укрытия.

– Тыбы? Маня? Что ты тут прячешься?

– А как ты узнал, что это я?

– Ну, во-первых, я спросил, потому что дверь была открыта. Во-вторых, чего ты тут прячешься?

– Потому что мне страшно.

– Ну ты даёшь -, усмехнулся Васёк, – никогда не боялась а теперь-то чего?

– Потому что ваш гость пропал. Я и испугалась.

– Какой гость?

– Ну друг дяди Пети. Он здесь пожить хотел. Дядя Петья ему разрешил. Вот он тут чего-то делал, делал и пропал. В дверь не выходил. По крайней мере, я не слышала, как он выходил.

– Странно, Маня, а ты ничего не путаешь? Тебе это не приснилось?

– Да? А чего тогда дверь открыта была в вашу комнату? А? А шоколад?

– Какой шоколад?

– Который я даже откусила. Это мне друг дяди Пети подарил.

Вдруг они услышали звук самолётов, свист летящих и взрывающихся бомб, Васек и Маня начали молча одеваться и выбежали в подъезд. И только уже прибежав на чердак, услышали вой сирены.

– Вась, а, Вась, а почему сирены не было?

– Не, знаю, Маня, главное мы на месте. Бери щипцы. Будь

готова. А где мой багор? Я его в этом углу оставил.

Свист бомбардировки заглушал его слова.

– Сегодня рядом с нами бомбят... Маня, страшно тебе?

– Нет, – помолчала, и тихо добавила, – почти нет. Но Васек не услышал. Он уже бежал на крышу.

– Маня, щипцы, скорей, багор не нашёл, – кричал паренёк.

Маня бросилась с щипцами, поскользнулась. Упала. Васек подбежал, схватил щипцы и в последний момент успел скинуть «зажигалку» с крыши. Девочка подвернула ногу, и, пытаясь встать, поползла, к двери. Луна освещала крышу. Было очень холодно. Изморозь покрыла всю железную поверхность. Маня попыталась встать. Но сильная боль пронзила все тело. Она опять плюхнулась и проехала вниз к краю крыши.

– Вася! Я падаю!

Было очень скользко. Она схватилась за ограждение, и неожиданно увидела лесенку, спускающуюся к маленькой двери.

– Маня, ты где? – Васек полз по скользкой крыше на животе.

– Маня, Маня! Ты где, ты меня слышишь, Маня!?

Васек сполз к ограждению и в темноте услышал:

– Вася, – тихо прошептала трясущимися от холода губами, Маня,

– смотри, что я нашла...

Вася медленно сполз с обледеневшей лестницы и увидел свою подругу. Она сидела возле двери, которая была подперта багром.

– Вась, я его нашла, твой багор – прошептала девочка, – как ты думаешь, кто его сюда поставил?

– Может кто-то из жил конторы?

– Да нет. Так никогда никто не делал. Вообще-то последние дни мы с тобой дежурили. Я вообще не знал про эту дверь. Как твоя нога? Сможешь встать?

Он снял шарф.

– Давай ногу забинтую. Нужна тугая повязка.

– Вась, а ты не хочешь зайти туда. Мне страшно, – промолчала, – но очень интересно, что там.

Она приложила ухо к двери, пытаясь услышать что-то за ней. Но после бомбардировки стало тихо. Везде очень тихо. Васек перебинтовал девочке ногу. Взял багор и дверь, скрипя, медленно открылась сама. Дети переглянулись. Хорошо, что луна освещала крышу, но... там, за дверью зияла чёрная дыра.

– Эй! Кто-то есть здесь?

В ответ тишина

Вася зашёл в каморку. Через несколько мгновений прихромала туда Маня. В этой каморке на чердаке было темно и очень сыро. Она была такая маленькая, что Маня сразу споткнулась, чуть не упала, но упасть было некуда. Вася её подхватил и прошептал:

– Слушай, Маня, как ты нашла эту коморку? Сколько я здесь лазил в детстве и сейчас, я её не видел никогда.

– Да я и не искала, само как – то.

– Мань, давай придём сюда, когда будет светло. А то ничего не видно сейчас.

– А зачем тебе? Я и сейчас хочу, побыстрее, отсюда уйти, как-то мне не по себе.

– Да, просто, интересно, пусть будет это нашим секретом.

– Похоже, Вась, это не только наш секрет. Кто багром подпер дверь?

– Да...

– И опять на площадь Свердлова не пойдём? Так хотелось на самолёт посмотреть. Уже комендантский час начался.

– Ничего, Манюня, знаешь сколько самолётов наши ещё подобьют? Ещё насмотримся. Сегодня я один подежурю на крыше, полежу на твоём любимом топчане, а ты со своей ногой домой, поняла?

– Ну, Вась, я тоже с тобой, -стала поднывать Маня.

Но Вася был непреклонен.

...Маня подошла к квартире и услышала шорох и какие-то глухие звуки. Вокруг было темно. Света не было как всегда. Входная дверь была приоткрыта. И какие-то блуждающие лучики постоянно проносились сквозь щель под дверью. Маша испугалась, и вспомнила, что они с Васьком не закрыли дверь, когда бежали на чердак. Она испугалась и поковыляла опять назад к другу. Вася уже спал на топчане,

укрывшись с головой старым одеялом. Он очень уставал. Маня погладила его по спине, и мальчик вскочил, спросонья начал что-то несуразное говорить. Резко замолчал, тряхнул головой, протёр кулаками глаза:

– Бомбят? Всё я бегу...

– Да, нет, Вась, у нас в квартире кто-то есть и светит фонариком. Я боюсь, Вась, пойдём со мной.

– Ну и фантазерка, ты.

– А вдруг воры? Пойдём, Вась.

– И что у тебя есть ценного? – бурчал мальчик, скинул одеяло, встал.

– Ну, пошли что ли... Трусишка Манька.

Васек и Маня вошли в квартиру, было тихо. Они прошли по комнатам, зашли на кухню. Никого нигде не было.

– Девчонки такие выдумщицы, – усмехнулся Васек.

– Я не придумала. Вась, ты мне не веришь и зря.

– Иди спать, Манька. Мне на работу утром.

– Вась, не уходи. Нет же бомбежки. И, потом, уже бомбежка была. Больше, наверное, не будет, ложись на мамину кровать.

– А где мама?

– Мама сегодня на дежурстве.

Дети легли спать. Вася быстро засопел. Маня долго лежала под одеялом, только глазами водила по сторонам, прислушивалась, приглядывалась.

Утро наступило быстро. Маня проснулась от вкусного за-

пах свежих оладушков. Как до войны. Она не могла понять, что происходит, на кухне было шумно и весело. Вкусно пахло. Девочка вскочила и бегом на кухню. В дверях Маня резко остановилась, и в горле стал комок, а в глазах защипали слезы. Почти как до войны. Бабуля пекла оладьи. Мама чистила картошку. За столом сидел пропавший и вновь появившийся новый жилец и громко что-то рассказывал. Мама смеялась. Бабушка улыбалась и покачивала головой. Весело, вкусно. Как до войны.

– Бабулечка, – прошептала Маня и поняла, что болит горло и нога. Подковыляла к любимой бабушке сзади и обняла. Бабушка пахла оладушками. Повернулась, обняла внучку, расцеловала.

– Ты как, Манечка?

– Горло болит, бабуль.

Мама подошла и поцеловала Маню в лоб.

– Вроде бы, нет температуры. Маня обняла своих любимых и «рассиропилась» как говорила бабуля.

– Так, малая, ну-ка, что за сырость. Съешь оладушку. И вот тебе ещё шоколадка.

– Дядя Гриша, а куда вы пропали?

– Да вот он, я Манечка, вот он. Хошь, потрогай!

И он протянул руку. Маня пощупала шершавую мужскую руку и улыбнулась.

– Просто неожиданно вы пропали.

– Времени маловато у меня, а дел много и пальцем нажал

девочке на кончик носа.

Все засмеялись.

Вася уже был на заводе. Маня поела оладьи и её совсем разморило. Очень болела нога. И больно было глотать. Мама запретила ей идти на работу. Сама оделась и ушла в магазин. Бабуля тоже засобиравалась. Дядя Гриша напевая какую-то мелодию, брился в ванной у зеркала. Всё поплыло у Маши перед глазами. Вкусный завтрак и радость встречи разморили её, и девочка поплелась к себе в комнату. Плюхнулась на кровать, подсунула руку под подушку, привычным уже движением нащупала недогрызенный сухарик, успокоилась и провалилась в тяжёлый, болезненный сон.

Проснулась резко. На часах было около пяти вечера. «Ничего себе, проспала почти весь день», – подумала Маня. Есть не хотелось, слабость. Но лежать тоже уже надоело. Маня прошла по тихой квартире. Заглянула к жильцу в комнату. «Опять никого». Вдруг девочка вспомнила, что хотела посмотреть, что в той каморке на крыше. Хоть нога ещё побаливала, быстро нацепив шапку и курточку, Маня поднялась на чердак, потом на крышу. Оказывается, пока она спала, выпал небольшой снежок. «Ничего себе, конец октября уже снежок, хоть бы фашисты отморозили себе носы и сбежали куда-нибудь в жаркие страны. О чем я думаю? Бред какой-то. Лучше просто пусть замерзнут и превратятся в сосульки. Чтобы неповадно было на мирных людей нападать!»

Вдруг её мысли прервались от увиденного. На крыше бы-

ли следы. И вели они в ту каморку, которую случайно Маня нашла ночью. Причём следы шли как в каморку, так и обратно. «Значит, тот, кто сюда проходил, уже вернулся».

Маня поползла по скользкому склону крыши, спустилась кое-как по лесенке. Дверь была опять прикрыта багром. Она убрала багор и заглянула внутрь. Хотя на улице было ещё светло, в этой каморке уже сложно было разобрать, что там. Маня аккуратно спустилась внутрь. Нога разболелась опять, и Маня присела на ящик, который стоял в углу. Ящик закрипел, зашатался. Но у неё так болела нога, что вставать Маня не спешила. Она огляделась. Стены были заклеены старыми газетными вырезками. Невольно она начала читать, так хотелось мирной жизни. А здесь, на стенах висели старые уже новости о достижениях советского спорта, промышленности, объявления. Вот какое-то объявление, сверху на нем какие-то цифры и буквы химическим карандашом написаны.

«Интересно, кому понадобилось здесь обклеивать стены?» думала девочка. Вдруг ящик закрипел очень сильно и несколько дощечек сломались под Маней. Она встала, попыталась выровнять их, они не поднимались. Тогда она решила ящик приподнять и вставить эти дощечки изнутри. Маня потянула ящик на себя, под ним оказалась какая-то тряпка грязная, она зацепилась за ящик и Маня увидела под грудной какого-то мусора уголок чемодана. Она начала быстро разгребать мусор и перед её взором оказался малень-

кий военный чемоданчик. Где-то она такой же недавно видела. Немножко отойдя от шока, Маня попыталась его открыть и вдруг над ухом прозвучало:

– Что ты тут делаешь?

Она резко повернула голову к двери и увидела... Васю.

– Чего ты сюда одна притащилась и ещё с больной ногой?

А если бы тебя не я нашёл?

– А как ты меня нашёл?

– По следам, Маня по следам.

– Вась, я нашла чемодан. Кто его и, самое главное, зачем его спрятал.

Вася тоже спустился в каморку. Присел на корточки возле находки и попытался открыть. У него ничего не получилось, но уличное детство не забывается. Он пошарил в груде мусора и вытащил оттуда ржавый, гнутый гвоздь. Что-то сделал им и чемодан открылся.

Внутри было пусто. Вася постучал костяшками пальцев по крышке чемодана, потом по дну и прошептал:

– Есть.

Маня, не мигая, смотрела на друга. Что-то зашелестело и звук вспоротого дна в чемодане, казалось, оглушил всю округу. Но то, что увидели дети в тайнике, вообще лишило их дара речи. Это были паспорта. Много. Немецкие.

– Вааааа, что это? Вась, я боюсь. Вась, пошли отсюда, пожалуйста, – зашептала Маня.

Вася вдруг встрепенулся. Начал засовывать паспорта в по-

тайное дно чемодана.

– Маня, клей, нужен клей. Я разорвал подкладку. У тебя остался хоть какой?

– Надо поискать. Пошли скорее. Вась, вдруг хозяин этого чемодана сейчас придёт?

– Маня, иди домой. Найди клей. Я спрячусь на крыше и буду следить. Главное, чтобы хозяин чемодана не понял, что кто-то нашёл тайник. А потом... Потом надо будет сообщить. Куда следует.

– А куда следует?

Ну, не знаю. Бате скажу сначала.

Маня с Васьком быстро как могли, вылезли на крышу и вдруг они с ужасом поняли, что снег на крыше... И их следы остались тоже. Они переглянулись.

– Вась, что делать? Нас поймают и убьют? Да Вась?

– Ну-ка, не ной. Никто нас не убьёт. Мы в советском государстве живём. А в советском государстве детей не убивают.

– Но документы ж немецкие.

– А ну, бегом, сказал тебе, за клеём. И прекрати панику создавать, пионерка называется.

...Уже второй час дети сидели в засаде. Им необходимо было узнать, кто прячет немецкие документы. Оба они понимали, что в городе, видимо, орудуют диверсанты и предатели, которые готовятся к встрече с фашистами в Москве, когда захватят столицу. Но в это они не верили. Но никто

не пришёл ни в ту ночь. Ни в следующую. Прошло несколько дней. Никто не приходил.

Очередная ночь выдалась очень тяжелой. Немец бомбил. Несколько зажигалок Вася и Маня скинули с крыши. Им помогал дворник, дядя Юра. Мотались по крыше всю ночь, иногда прятались в укрытие. Немец приближался все ближе к Москве. Вдруг одна из зажигалок упала на крышу в том месте, где дети нашли чемодан. Она аккуратно скатилась по лестнице. Вася кинулся как тень молнией за ней. И на мгновение застыл. Дверь каморки была открыта. Багор валялся. Внутри все пространство осветила луна. Медлить было нельзя, и чуть ли не в последнее мгновение зажигалка полетела с крыши на землю, где соседки бабули засыпали её песком. Вася вытер лоб и чумазый и уставший заглянул в каморку. Там ничего не было. Ни ящика. Ни чемодана. И стена была ободрана от газет.

– А ведь там было что-то написано, какие-то цифры и буквы, – услышал сзади голос Мани Васек.

Маня разболелась. Ее положили к бабушке в больницу. Первые дни она помнит смутно, высокая температура, кашель. Врач сказал, что у нее воспаление легких. Когда Маня приходила в себя, то видела родное лицо бабули. Она гладила ее по головке, целовала ручки, меняла компрессы на голове и Маня забыла, что была война.... Когда девочка пришла в себя, вспомнила, что творится вокруг и так ей стало горько, что захотелось плакать. Скоро она стала подни-

маться с кровати и гуляла по палатам, знакомилась с такими же больными. Однажды дождливым вечером познакомилась с солдатом, который был ранен под Москвой, и попал в эту же больницу, теперь это был госпиталь. Вокруг города велись ожесточенные бои, раненые поступали и поступали. Звали солдата дядя Гриша. С ногой у него была беда, стала намного короче, и он сильно хромал. Солдатская служба его закончилась, но возвращаться было некуда. Семья погибла. Да и сам он чудом остался жив. Что с ним произошло, никто не знал. Обычно солдатские байки в палатах с охотой рассказывали раненые. А он молчал. Часто солдаты и санитарочки называли его «молчуном». Зато подружился с Маней, она ему напоминала его «донюшку», Вареньку. В начале войны не стало ее вместе с жинкой, эшелон под бомбы попал, так и не доехали.

В госпитале он пролежал с конца лета и вот в первые ноябрьские дни его выписали. Идти ему было некуда. Пошёл к главврачу и попросил устроить его на работу в госпиталь. Когда Наталья Ивановна, главный врач госпиталя, спросила, кем он хочет работать, он ответил:

– Мужиком. Мужиком буду работать. То что почти одноногий я, не смотри Наталья Ивановна. Мужская сила то и умение всегда пригодятся. Не могу я без дела. Раз фрицев бить теперь не судьба, не отсиживаться ж мне за бабскими юбками. Работать буду. Делать что ль по хозяйству нечего.

Ты не бойсь, Наташа Ивановна, я мастеровой.

Маня тянулась к нему, ей не хватало отцовского внимания, а он большой человек с усами тянулся к ней. Бабуля видела это и предложила дяде Грише жить в их квартире, пока были пустые комнаты, да и не так страшно было оставлять Маню одной, почему-то бабуля доверяла Григорию.

Холодным ноябрьским вечером собирались домой Маня и дядя Гриша. Ходить ему было тяжело. Но сидя, мог сделать что угодно, хоть табуретку починить, хоть новую сбить. Несмотря на это, у него была одна мечта.

– Мань, а далеко отсюда завод «Серп и Молот»?

– Вообще-то, далековато. А что? На метро почти час. А так как ты ходишь, то почти невозможно.

– Дааа. Жаль, – притих дядя Гриша. – Друга хотел навестить. Где живет, не знаю. А вот работал он на заводе. А может на фронте он? Так хоть спросил бы адрес, у него сынок вроде был. Хоть письмецо написал бы. Когда-то он меня спас. Обязан жизнью ему. Думаю, может это судьба меня в Москве поселила, чтоб должок отдать. Может помощь ему, или его семье нужна.

– А у меня сосед там работает. Правда, домой давно не приходил. Живет на заводе почти всегда теперь, – грустно рассказывала Маня. Она сидела на стуле, раскачивая, ногой и как мороженое языком лизала кусок сахара, – А сын его, Васек, мой друг.

– Кстати, – вдруг встрепенулась девочка. – Давай, дядя

Гриша, я Васька попрошу, он и узнает, что с другом твоим.

– Ну какая ж ты девочка у меня, просто золотая. И умная, и находчивая. Он гладил ее по голове. Маня опустила голову, продолжая уже медленнее качать ногой, про сахарок забыла и как котенок, подставляла голову под ласковое поглаживание дяди Гриши, заливалась румянцем.

Возле дома было очень оживленно. Дворник и соседки, совсем как в мирное время, что-то бурно обсуждали.

– Здорово, соседи!

– Здоров, коль не шутишь. Что-то раньше мы тебя не видели здесь, сосед.

– Так вот, я новенький у вас. Отвоевался. Вот Манина бабуля приютить решила. Комнат, говорит, много у них пустых.

– Это точно, сейчас много пустует. Ранение?

– Да... – глухо сообщил Григорий, – А что, соседи, случилось чего?

– Да случилось. Маня, это не ваш жилец в комнате набедокурил? – спросил дворник.

Маня удивилась. Она совсем забыла про Григория Ивановича, верно. Ведь пока лежала в больнице, вообще ни о чем не вспоминала.

– А что случилось?

– Дак, квартира ваша открыта была. Светлана Петровна мимо шла, заглянула. А там все вверх дном. Побоялась заходить. Вызвали вот милицию. Ждем теперь.

– Я болела. В больнице. А что, Васек не приходил?

– Не видали его. Уже два дня... Дежурства его на крыше были. А его не было.

Маня заперезживала.

– Может, с работы не отпустили? – и уже, обращаясь к дяде Грише, – Ну вы тогда ждите милицию со всеми. Я сбегаяю к дяде Пете на завод. Может и Васек там.

Мане на душе было очень тревожно. Так не было еще ни разу. Если Васек менял планы, он все равно сообщал.

На проходной завода Маня не могла найти себе места, ждала, когда дядя Петя выйдет.

– Маня, что случилось? С Васьком что-то? – Дядя Петя с встревоженным лицом забежал на проходную, кепка на затылок, руки вытирает об какую-то тряпку, похудел, лицо осунулось, под глазами темные круги. У Мани пронеслось в голове, «как он постарел...»

– Дядя Петя, не переживайте, просто я его ищу. Он вчера не пришел на дежурство на крыше, а я была в больнице. Вот ищу его. На заводе его нет получается. Но вы не переживайте, я его найду, куда ему деваться. А так все хорошо, жильца вашего мы пустили. Не обидели, он мне шоколад подарил. Все хорошо.

– Маня, – вдруг напрягся Петр, – какого жильца?

– Ну, друга вашего. Он сказал, что вы знаете, что договорился с вами. Что вы ему пожить разрешили. Веселый такой.

– Ни с кем я не договаривался, Маня, ты что-то путаешь.

– Ну как же, усы у него. Веселый, – уже неуверенно говорила Маня.

– Маня, не пугай меня. Какие усы? Ни с кем я не договаривался. Как зовут-то его?

– Дядя Гриша, то есть Григорий Иванович.

– Гришка что-ли, земляк мой?

– Ну да, а вы меня напугали уже. А усы можно и отрастить.

– Ну, только никто у меня не спрашивал, да и адрес мой не знает. Знает только, что я на заводе работаю, – дядя Петя смотрел на Маню немигающими глазами. Мане стало жутко. Вдруг у нее в голове мелькнула мысль.

– А откуда, дядь Петь, Григория Ивановича вы знаете?

– Да было дело, в гражданскую... В общем, не важно, помог я ему чуть.

– Спасли?

– Ну..., спас... Ладно, Маня. Некогда мне.

Маню охватил ужас. Ей стало сначала жарко. Потом холодно. Она побледнела и села на корточки.

– Маня, что случилось?

Маня сидела и молча раскачивалась. Потом встала медленно и повернула на выход.

– Маня! – крикнул вслед ей Петр, – у тебя все нормально?

Когда Маня вернулась домой, милиция уже уехала. Они решили, что это было просто попытка ограбления. Мама пришла с работы, проверила, ничего и не пропало. В общем,

криминала никакого, милиции было не до глупостей, уехали, а мама начала приводить все в порядок. Кто-то сильно постарался все перевернуть.

Маша пришла ни жива, ни мертва. Только после болезни. Ещё слабенькая, да питание было какое? Но самое главное. Ей было непонятно, и от этого ещё и страшно. Если весёлый усатый дядя Гриша с шоколадом не друг дяди Пети? То кто? Откуда он знает про них, про их квартиру, про дядю Петю? как зовут маму, Маню? И дядя Гриша с больной ногой, такой родной, хороший? Маня решила первым делом выяснить кое- что. И, главное, надо искать Васька. Скоро ночь. Нужно дежурить на крышу. Но она так устала. Сейчас она немножко посидит, отдохнёт. Глаза слипались. Всё тело гудело. После болезни она быстрее уставала. Маня прилегла, привычным движением засунула руку под подушку, но вместо сухарика ей в руку попала какая- то бумажка. Она удивлённо развернула её и увидела знакомый почерк. Так писал Васек. Написано было только три слова. «Я нашёл чемодан».

Усталость у Мани как рукой сняло. Что делать? Что с Васьком? Теперь понятно, что пропал он не просто так. Маня сидела как оглушенная. Издалека доносился мамин голос. Потом мужской. Потом опять мамин. Девочка почувствовала, как бешено забилось сердце. Вскочила с кровати и выбежала из комнаты. На кухне мама и дядя Гриша, теперь уже новый дядя Гриша, что-то засовывали на антресоль.

– Маня! Где ты была? Я волновалась. Убежала куда – то, что случилось?

Маня, как будто не слышала её, подошла к хромоту Григорию и спросила в лоб:

– Как зовут твоего друга с завода «Серп и Молот»?

Григорий посмотрел на неё внимательно. Сел на табуретку. Взял папиросу, закурил.

– Пётр. Пётр Петрович, – серьёзно ответил он. Как взрослому человеку. – У него на левой руке безымянный палец наполовину. А указательный согнут.

Мама медленно села на стул и растерянно посмотрела на Маню. Маня недоверчиво, не моргая, смотрела на нового жильца.

– Что происходит? Маня? Что происходит? – мама тихо и неуверенно повторяла одно и то же.

– Прохожу проверку, – спокойно ответил Григорий и затянул папиросу.

Маня почувствовала сильное желание обнять за шею этого, пропавшего табаком, и такого, почему-то, родного человека. Но задала последний вопрос.

– А у тебя есть шоколад?

Григорий подумал и ответил.

– Шоколада нет. Но после войны будет обязательно.

В дверь постучали. Мама побежала открывать. Вдруг раздался мужской голос.

– Здравствуйте. Здесь проживает Григорий Иванович Бондарь?

– Проживает? – мама удивлённо повела плечами?

– Не то чтобы проживает. Начинаю проживать, – из кухни, прихрамывая, вышел Григорий.

– А в чем, собственно, дело?

– Это вы, Бондарь?

– Да, я Григорий Иванович Бондарь.

– Вы арестованы.

– За что? – изумленно вскрикнула мама.

– А вы ничего не путаете? – тихо спросила Маня? – у нас здесь жил ещё один жилец. Тоже. Григорий Иванович. И он исчез.

– Не путайте меня, – милиционер напрягся.

– Никто вас не путает. Несколько дней назад заехал жилец. С чемоданом, – продолжала Маня и, вдруг, запнулась. «С чемоданом! Точно, вот где я видела этот чемодан, а потом я его видела на крыше» – пронеслись мысли в голове девочки.

– С чемоданом? – милиционер напрягся. – Где этот чемодан?

– Не знаю, – почему – то соврала Маня.

– Так, товарищ Бондарь, предъявите ваши вещи. Григорий Иванович похромал в комнату Петра, и вынес оттуда вещмешок.

– Чемодан, где чемодан? – нервничал милиционер.

Мане показалось это странным. Откуда этому милиционеру известно про чемодан, зачем он его разыскивает? Почему милиция, которая приезжала до него, ничего не спрашивала про чемодан? Неожиданно, Маня поняла, что милиционер не предъявил документы.

– Я знаю, где чемодан... – прошептала Маня. Сейчас я вас могу туда отвести.

– Маня! – Вскрикнула мама. – Какой чемодан? Откуда ты знаешь? Что происходит?

Милиционер схватил Маню за руку и сильно сжал её. Наклонившись, тихо прошипел девочке в лицо:

– Ну-ка, веди меня...

Григорий Иванович, не смотря на хромоту, мгновенно оказался возле милиционера, схватил его за грудки и воткнул в стенку.

– Девочку не тронь! Григорий держал милиционера как железными тисками.

– Да как ты смеешь? Я при исполнении... – хрипел милиционер. Да я тебя... – он вывернулся из объятий Григория... И кинулся к дверям, выскочил в подъезд... На лестнице вдруг какой-то шум, глухие удары, вскрики. Маня испуганно закрыла лицо руками, мама подбежала к ней и прижала к себе. На лестнице точно что-то происходило. Григорий с суровым лицом, прихрамывая, быстро подошёл к входной двери и остановился в проёме, глядя в подъезд...

Несколько месяцев назад...

– Как зовут?

– Василий!

– Сколько лет?

– Сколько лет?

– Восемнадцать, – робко ответил Васек.

– Восемнадцать? – строго спросил офицер. Васек покраснел.

– Да... – ещё тише ответил мальчик.

– Плохо, – строго сказал офицер.

– Почему? – С вызовом вскинул голову Васек.

– Врешь... плохо...

– В смысле?

– Если врешь, то ври уверенно. Чётко. Не сомневаясь. Добавь для правды какие-то мелочи... А так тебя расстреляют и все. Какую пользу родине принесёшь?

Мальчик смотрел на офицера, залившись румянцем, не понимая ничего. Он пришёл в военкомат. Хотел на фронт. Отцу не стал говорить. Всё тайно, от этого ещё и неприятно в душе. Никогда от бати он ничего не скрывал.

– Стрелять значит умеешь?

– Да... – удивлённо сказал Васек

– Награды? Звания?

– Ворошиловский стрелок

Васек нервничал. Он не понимал, что происходит? Он хотел на фронт. Как только узнали его фамилию, отвели в каби-

нет. И вот уже около часа этот офицер расспрашивал и расспрашивал, о чём – то думал...

Оставили одного. Около часа он ждал, неизвестность его беспокоила. Что происходит? Вот уже две недели идёт война. Вдруг закончится. Он так и не успеет уничтожить ни одного фрица.

...Разговор был недолго. Ваську предложили учиться. В школе. Но в необычной. Его готовили к работе, которая не афишируется, держится в тайне, но крайне необходима в борьбе с врагом в осажденном городе. Он был отличным стрелком. Да и отец поручился. Отец был героем гражданской.

Обучался тайно. Спешно. Работал на заводе. Дежурил на крыше. Поддерживал легенду о том, что мечтает на фронт.

Очень скоро дали задание. Получены были сведения, о том, что группа людей, недовольных Советской властью, готовятся к встрече фашистов в Москве.

В эту группу был внедрен ещё до войны свой человек. Предстояло Ваську с ним встретиться. На подступах к Москве шли бои и предательские крысы зашевелились. Но был у них один неуловимый, тот, который всеми руководил. Его необходимо было выманить, чтобы обезвредить. Его никто не знал в лицо. И поэтому свой человек должен был выкрасть документы, бланки паспортов и на живца выловить главаря банды. Ловушку решили устроить в кварти-

ре Васька. Так меньше всего было бы подозрений. Поэтому приехал «весёлый» Григорий Иванович.

Конечно, это была легенда. Васек слышал от отца рассказы о друге, которого он спас и для правдоподобности предложил эту историю. Было решено взять его имя. Но... Любопытная Маня чуть не провалила всю операцию, она нашла чемодан. Поэтому Васек, зная её девчачью трусливость, решил напугать подругу, чтобы она больше не лезла в мужские взрослые дела. Все пошло не по плану, когда Маня нашла каморку на крыше и Васек, выкручивался как мог придумать взрослый мальчик. Взрослый. Но мальчик. За что получил нагоняй от Григория. На самом деле это был Иван. Он несколько лет уже как был заслан в эту преступную группу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.